

Наша гостиная

Знаешь юности. — Минск. — 1990. — 26 июня.

— Геннадий Викторович, договорим о том, о чем говорят сейчас везде — в квартирах и служебных кабинетах, на улицах и площадях, поговорим о политике. Как вы относитесь к ситуации, которая сложилась в стране в связи с выдвинутой правительством концепцией перехода к рыночной экономике? Ведь как-то вы к этому относитесь, как-то оцениваете!

— НА МОЙ взгляд, союзное правительство демонстрирует пример шахматиста, наделавшего огромное количество ошибок в дебюте и в результате попавшего в жесточайший цейтнот. Я не политик, не экономист, я абсолютный дилетант и риску навлечь на себя упрёки в некомпетентности. Но кого сейчас не обвиняют в некомпетентности?! Даже премьер-министр!

Мое глубочайшее убеждение, что изначальные причины лежат в выборе нынешнего состава союзного депутатского корпуса. Мы все слишком хорошо помним, как он избирался. Одни выбо-

сказал.

То же самое впечатление произвела на меня его пресс-конференция, о которой, кстати, в «Правде» появилась мизерная заметка. Будто Россия — это такая незначительная часть нашего государства. Странно. Странно и то, что Центральное телевидение не познакомило нас с политическим портретом нового Председателя Верховного Совета РСФСР. Вместо этого оно предложило нам концерт Юрия Антонова. При всей своей любви к Юрию Антонову, к музыке, к песням, я бы с большим интересом посмотрел в этот вечер передачу

ту буду сворачивать. Это не означает, что я не буду выступать. Это значит, что я буду выбирать такие формы концертной деятельности, когда деньги целевым назначением переводятся на общепольные цели. Считаю своим долгом провести несколько концертных акций по сбору средств в фонд помощи нуждающимся, малообеспеченным людям, тем, кто оказался в бедственном положении.

— Геннадий Викторович, а у вас не возникло желание остаться на Западе и тем самым решить многие свои проблемы?

— Я считаю, что, отвечая на этот вопрос, нельзя лукавить. Поразительное дело!.. Я себя не ощущаю... как бы сказать... нигде, кроме того места, где я сейчас живу. Я думаю, что мои человеческие и творческие амбиции, реализовавшиеся в этой стране, дали мне возможность с полным правом считать себя гражданином этой страны. Я задаю себе вопрос не только о том, на что я буду жить на Западе, хотя это, наверное, вопрос решаемый и надо очень по-

Геннадий ХАЗАНОВ:

«НЕ ХОЧУ СВОИМ ТРУДОМ КОРМИТЬ АППАРАТ»

ры от общественных организаций чего стоят. Формулировка «агрессивно-послушное большинство» очень точно определяет состав и концентрацию высшего органа государственной власти. Я никогда не забуду, как по-детски искренне радовался Анатолий Иванович Лукьянов, когда Съезд не внес в повестку дня вопрос о 6-й статье Конституции. Я никогда не видел этого человека таким счастливым... Как не давали высказаться Андрею Дмитриевичу Сахарову, не прислушивались к его предложениям принять основополагающие законы, заниматься корнями, а не листьями... Слишком много времени мы уделяли листочкам.

И когда это агрессивно-послушное большинство топало ногами, оно не представляло интересы народа. Оно представляло интересы верхушки, интересы аппарата и больше никого. Они заботились о собственном благополучии, о своих собственных креслах. Эти мощные инерционные силы действуют и сейчас.

Я глубоко убежден, что огромное количество помощников, находящихся в окружении Горбачева, совершают тактические ошибки, которые видоизменяют стратегию.

— Геннадий Викторович, вы обратились к шахматной терминологии. Тогда почему бы не вспомнить словечко «цугцванг». Это, кажется, когда нет полезных ходов? Так?

— Цугцванг — необходимость делать вынужденные ходы.

— Причем, к сожалению, плохие ходы?

— Раз уж о шахматах, я бы еще привел замечательное высказывание писателя-сатирика Виктора Шендеровича. «Что такое политические шахматы? Это когда столько лет отовсюду мат, а партия не сдается».

Посмотрите, что недавно происходило на Съезде народных депутатов России. Ну так откровенно не хотел наш Президент, чтобы Ельцин становился Председателем Президиума Верховного Совета РСФСР. Ну это же было видно, что называется, невооруженным глазом. Но какая альтернатива была Ельцину в России?

— Да, но Ельцин победил с минимальным преимуществом.

— А представьте себе прямые выборы в России. Сколько бы голосов набрали противники Ельцина? Сомневаюсь, что очень много. Я не собираюсь утверждать, что Ельцин — ангел, новый мессия. Но я слушал программу Ельцина, и если бы у меня было восемь рук, я бы все восемь поднял бы за то, что он

о Борисе Николаевиче Ельцине. А Юрия Антонова послушал бы как-нибудь в другой раз.

— Геннадий Викторович, а как вы оцениваете Бориса Николаевича как оратора, как человека, которому приходится выступать публично?

— На мой взгляд, Борис Николаевичу не хватает плавной ораторской речи. У него большие сложности, я бы сказал, с актерским началом. Но мне больше бы хотелось судить о человеке по его действиям. А то, что он иногда не точно образует падежи, так мы за столько лет к этому привыкли. Я не помню ни одного лидера нашего государства, который бы говорил на абсолютно чистом, грамотном русском языке.

— Геннадий Викторович, не будем забывать, что Рейган в прошлом был профессиональным актером и это ему не помешало в его президентстве, и даже наоборот.

— Я еще раз повторяю, что я не политик, я не знаю, так ли уж хорош был Рейган. Могу привести здесь лишь анекдот, который, по-моему, придумали сами американцы. После переговоров в Рейкьявике Рейган дает интервью, и у него спрашивают, какое впечатление на него произвел Горбачев. Рейган отвечает, что очень хорошее, что это очень информированный человек, очень контактный, но «я», — говорит Рейган, — во время переговоров все время думал, почему же Брежнев не приехал».

Так что я не стал бы идеализировать фигуру американского президента и выставлять его человеком, у которого семь пядей во лбу.

Надо признать, что руководство нашей страны, особенно на данном этапе, оказалось в невероятно тяжелых условиях. И мне хочется еще раз поклониться в сторону Горбачева — он совершил величайшее дело. Мне не хочется верить, что он, согласно известному принципу Питера, достиг своего уровня компетентности. Но, к великому сожалению, кажется, политический потенциал нашего Президента близок к исходу. Конечно, ему трудно. Со стороны легче всего судить: «Ой, он не так пошел!».

— Геннадий Викторович, несколько слов в связи с новым законом о подоходном налоге. Он ведь довольно болезненно коснется и наших эстрадных «звезд». Поговаривают, что многие из них с 1 июля, когда закон войдет в силу, собираются сворачивать концертную деятельность, потому что работать с прежней интенсивностью становится просто невыгодно.

— Знаете, налог в 60 процентов от суммы ежемесячного заработка можно было бы платить с легким сердцем, если ты знаешь, что твои деньги действительно идут на народные нужды. Не жалко. Но я не хочу своим трудом кормить аппарат. Не хочу! И в этом смысле рабо-

стараться, чтобы на Западе умереть с голоду... Вопрос — принесет ли мне жизнь там счастье?

Выезжая за рубеж на гастроли, я ловлю себя на том, как я судорожно хватаюсь за любую информацию с Родины. Я вывожу с собой за границу кипу наших газет, которые не успел прочитать. Для меня окончательный переезд на Запад равнозначен был бы гибели, смерти... Смерти душевной, духовной... а значит, и физической.

— Геннадий Викторович, вы ведь москвич. А где именно в Москве вы родились?

— Я родился в Замоскворечье. На том месте, где практически все уже сломали и неизбежно стоит одна только дряккая клиническая больница, которую построил когда-то Савва Морозов. Так ее и по сей день люди называют «морозовской», какие бы ей официальные названия ни присваивали. Место это называлось Коровой переулком.

— Было бы любопытно услышать ваши ощущения от сегодняшнего города и от того, каким вы его знали раньше — в детстве, юности...

— Грустные у меня впечатления очень... У меня впечатления города, который очень долгое время не был никому нужен. Запущенный город, который, что бы ни говорили, как бы иронически ни относились к Москве, называя ее большой деревней, любим мною... Наверное, потому, что я здесь родился... Какое-то у меня ощущение нелогичности, хаотичности... Знаете, какое ощущение?.. Когда люди встают из-за стола и уже в тарелку окурки гасят... Ощущение необразности, беспорядочности... Я думаю, можно было бы сделать из нашего города город, более приспособленный для нормальной жизни. В Москве все есть для этого. В ней нет архитектурного холода, казенщины нет... Я не имею в виду то, что построено в недавнее время. Калининский проспект, например...

— Но у вас сейчас в связи с избранием нового Моссовета вроде бы появились надежды...

— Да, безусловно... Мне нравится Гавриил Харитонович Попов. Ну и учитывая, что он грек по национальности, а в Греции, согласно старинному понятию, все есть, я рассчитываю, что и в Москве все появится.

— Геннадий Викторович, что бы вы хотели сказать в заключение нашего интервью?

— Я бы хотел попросить всех людей по возможности скорректировать свои эмоции, не переносить весь свой негативизм к сложившимся обстоятельствам на реально живущих людей. Мы стоим на пороге тяжелых лет. Надо запастись мужеством, мудростью, терпением.

Беседовал Лев НОВОЖЕНОВ.